

ОБСУДИМ РАЗНОГЛАСИЯ¹

Мне было очень горько узнать, что последним письменным текстом Самсона Наумовича Бройтмана стала запальчивая и несправедливая реплика в мой адрес. Недуг – дурной советчик, и в моей критике «Бахтинского тезауруса», которую сам я старался сделать максимально сдержанной и уважительной, покойный ученый усмотрел много таких интенций, о которых я и не помышлял. Желаящие могут проверить по 72-му номеру «Нового литературного обозрения»: критикуя как самого Бахтина, так и его сегодняшних исследователей, я предлагал не искать у них «ошибки», а выяснять пределы применимости их идей, реконструировать те объективные трудности, с которыми сталкивается их мысль.

Теперь, после кончины С.Н. Бройтмана, уже поздно – не с кем – объясняться по поводу моего «метода»; но можно и нужно вновь обсудить конкретное и действительно серьезное научное разногласие, проявившееся в толковании одной важной идеи М.М. Бахтина. Это идея «молчания», в которое, по словам Бахтина, облачается «первичный автор», – идея, которая на мой взгляд относится только к литературному творчеству, а согласно С.Н. Бройтману, и к другим видам дискурса, включая научный.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к спорному тексту Бахтина. Прочитую его по 6-му тому Собрания сочинений (М., 2002), где текст бахтинских «рабочих записей 60-х – начала 70-х годов» приведен в более достоверной редакции, чем в публикациях, вошедших в сборник «Эстетика словесного творчества»². Вот что пишет Бахтин: «Проблема “образа автора”. Первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором). Первичный автор – *natura non creata, quae creat*; вторичный автор – *natura creata, quae creat*. Образ героя – *natura*

creata, quae non creat. Первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся о б р а з н о представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, т.е. сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (т.е. первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ. Слово первичного автора не может быть с о б с т в е н н ы м словом; оно нуждается в освящении чем-то высшим и безличным (научными аргументами, экспериментом, объективными данными, вдохновением, наитием, властью и т.п.). Первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто п и с а т е л е м: от лица писателя ничего нельзя сказать (писатель превращается в публициста, моралиста, ученого и т.п.). Поэтому первичный автор облачается в м о л ч а н и е. Но это молчание может принимать различные формы выражения, различные формы редуцированного смеха (ирония), иносказания и др.» (С. 412).

И выше и ниже этого абзаца Бахтин приводит в пример «авторов» только писателей-художников (Гоголя, Достоевского, Толстого, Боккаччо). Исключение составляет разве что Хайдеггер, но и он именуется здесь «писателем»: «событие говорит через писателя, его устами (у Хейдеггера)» (С. 412). Или же Бахтин хочет сказать, что философ Хайдеггер описывает таким образом, вчуже, ситуацию писателя. В другом фрагменте из рабочих тетрадей (С. 422–423), где вновь формулируется мысль о том, что «первичный автор» (там он назван «автором произведения») не имеет определенного места и образа в этом произведении, речь опять-таки идет исключительно о художественной литературе, и с этим моим замечанием С.Н. Бройтман не стал спорить. Итак, контекст обсуждаемых бахтинских высказываний – сугубо литературный.

Собственно фрагмент, о котором идет спор, начинается с разграничения «первичного» и «вторичного» авторов. Оно ведется в неоплатонических терминах, взятых у Иоанна Скота Эриугены: первичный автор –

«природа несотворенная и творящая», вторичный автор – «природа сотворенная и творящая», наконец, образ героя – «природа сотворенная и нетворящая». «Образ героя» упомянут лишь для полноты картины, так как ниже о нем ничего не говорится. Бахтина здесь интересует не различие первичного автора и «образа героя» (оно сравнительно очевидно, это два полярно противоположные члена оппозиции), а более тонкое различие двух авторских инстанций – первичного и вторичного автора. Именно с помощью этого различия и нужно, как я полагаю, толковать несколько следующих фраз; напротив того, С.Н. Бройтман в своем возражении не упоминает «вторичного автора», противопоставляя друг другу лишь «первичного автора» и «героя».

Первичный и вторичный автор у Бахтина связаны между собой отношением эманации. Первичный автор – подлинный, изначальный творец – незрим и молчалив, у него нет собственного образа и слова; то авторское слово, которое встречается нам в тексте, – это вторичное слово сотворенного автора; еще дальше от изначального творца располагается как бы «третичное» слово героев, но о нем сейчас речи нет. Те «высшие и безличные» формы («научные аргументы», «вдохновение», «власть» и т.д.), которыми «освящается», чтобы зазвучать в тексте, слово первичного автора, не имманентны, не «собственны» ему; они берутся извне, из дискурсивного арсенала культуры; то есть ими формируются различные «образы» вторичного автора, каковыми действительно могут быть фигуры ученого, религиозного деятеля, политика – но только не писателя! От лица писателя, как подчеркивается в следующей фразе, «ничего нельзя сказать», и нет никаких оснований связывать «вдохновение» из бахтинского перечня с «писателем», а не с «религиозным деятелем» – пророком или жрецом; атрибутом писателя было бы скорее «мастерство», а как раз оно у Бахтина и не названо. Дело в том, что писатель – это не вторичный, а первичный автор, отчего его и нет среди «образов автора». Первичный автор не может быть

«просто писателем», но лишь в том случае, «если он выступает с прямым словом»; эта важная оговорка означает, что первичный автор является-таки «писателем» в той мере, в какой он не высказывается в тексте напрямую, а действует как демиург, организующий словесный мир произведения и не участвующий в нем сам.

Некоторые другие места в рабочих записях Бахтина подтверждают такое прочтение. Бахтин пишет, например, что «речевые субъекты высоких вещающих жанров – жрецы, пророки, проповедники, судьи, вожди, патриархальные отцы и т.п. – ушли из жизни. Всех их заменил “писатель”, просто писатель, который стал наследником их стилей. Он либо их стилизует (т.е. становится в позу пророка, проповедника и т.п.), либо пародирует (в той или иной степени)» (С. 388–389). Та же логика намечена и страницей выше обсуждаемого нами фрагмента: «Поэт. Прозаик. “Писатель”. Разыгрывания пророка, вождя, учителя, судьи, прокурора (обвинителя), адвоката (защитника)» (С. 411). Отличие только в том, что здесь отношения «писателя» с «речевыми субъектами высоких вещающих жанров» осмыслены не как эманация, а как игра («стилизация», «пародия», «поза»); впрочем, игра упоминается и ниже (в форме «иронии») как одно из средств, которыми первичный автор выражает и модулирует свое молчание.

Итак, анализ текста заставляет сделать вывод: размышляя об «облекающемся в молчание» первичном авторе, Бахтин имеет в виду именно «писателя», тогда как элементы нехудожественного, в том числе научного дискурса могут изрекаться в художественном тексте устами вторичного автора. В самом деле, писатель может иногда «освящать» текст своего произведения «высшим и безличным» авторитетом науки: Достоевский с медицинской точностью описывает лихорадку Раскольникова или эпилепсию Мышкина, Толстой пересматривает историографию войны 1812 года и т.д. По словам Бахтина, при этом «писатель превращается в публициста, моралиста, ученого и т.п.». Иначе говоря, на сцене появляется «образ авто-

ра», сотворенный настоящим автором-писателем и подменяющий своей речью его неизрекаемое собственное слово.

О нехудожественных сферах культуры Бахтин в разобранным фрагменте не говорит. Следуя его мысли, можно предположить, что там разделение первичного и вторичного автора не действует, между ними нет «литературного» зазора. Так, автор научного произведения прямо высказывается от собственного лица, чего не может сделать писатель. В отличие от последнего, он не играет, а отождествляется со своим словом, утверждает его истинность, требует соглашаться или же аргументированно спорить с ним, преподает его ученикам и т.д. Между тем М.М. Бахтин все-таки был не писателем, а ученым (неясно, правда, какой специальности – литературоведом? философом? теологом? – и многолетние дебаты на сей счет вызваны именно тем, что сам он не осмыслил специфику своего дискурса. Это я, в частности, и имел в виду, говоря о нехватке у него авторефлексии). А потому применять идею «молчаливого» первичного автора к его собственному творчеству, как это сделал С.Н. Бройтман в «Бахтинском тезаурусе», представляется мне неосмотрительным. В логическом пределе это привело бы к тому, что тексты Бахтина стало бы вообще невозможно обсуждать как ответственные научные высказывания: ведь получается, что в них звучит не настоящий, первичный авторский голос, а всего лишь голоса подменных вторичных авторов!

Проблема, о которой идет речь, первостепенно важна – от нее зависит метод чтения Бахтина, тут мы с моим оппонентом согласны, – и вместе с тем запутанна, отчасти потому, что самим Бахтиным изложена недостаточно ясно, непроработанно. Достаточно сказать, что в разобранным фрагменте склеены, незаметно переходят друг в друга столь разные понятия, как «образ» и «слово» (в данном случае претензии неуместны: перед нами всего лишь рабочие записи для себя). Соответственно наши разногласия с С.Н. Бройтманом по поводу «первичного автора», с одной стороны, объяс-

няются реальной трудностью толкования текста, а с другой стороны, заслуживают публичного выяснения. На остальные конкретные возражения против моей критики отвечать не обязательно: в каждом из этих случаев мне есть что возразить самому, но дело там не столько в принципиальных расхождениях, сколько в недоразумениях, в неточно понятых тезисах или даже отдельных словах из моей статьи. Их обсуждение не представляло бы общественного интереса.

Остается сказать последнее. Помещая свой ответ С.Н. Бройтману в «Живом журнале», я сознаю, что рискую навлечь на себя – особенно в бранчливой интернетовской среде – разного рода нарекания, например упреки в неуважении к памяти покойного. Что ж, могу лишь заверить, что всегда ценил в Самсоне Наумовиче сильного и самостоятельного теоретика, хоть и не разделял некоторых его взглядов. Он был человеком науки, а наука – это прежде всего дискуссия, критическое обсуждение и проверка результатов. Оттого моя нынешняя полемика с ним, пусть в ней и сталкиваются личности двух филологов, видится мне жестом профессиональной солидарности – вкладом в то «высшее и безличное» дело, которому посвящена наша общая работа.

Жаль только, что не доспорили при его жизни и что я могу ответить на критику, а он – нет.

¹ Текст с незначительными изменениями печатается по: *Зенкин С.* Ответ [Электронный ресурс]. Электронные данные. [М.], 2006. Режим доступа: http://www.livejournal.com/user/dina_mag/1962.html, свободный. Заглавие с экрана. Данные соответствуют 9.02.2005. (*Примеч. ред.*)

² См. текстологическую критику этих публикаций в комментариях Л.А. Гоготишвили: *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 533–537. Далее работы М.М. Бахтина цитируются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.